

ЛИЗА БЕТТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я
тебя у него
украду

Лиза Бетт
Я тебя у него украду
Серия «Суворовы-Кремлёвы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68344021

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91608-1

Аннотация

Он лучший друг моего парня, и он меня бесит. В его присутствии я цепенею. Его взгляды обжигают. И именно он пришел, чтобы утешить меня после расставания с бывшим...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лиза Бетт

Я тебя у него украду

Пролог

Звонок в дверь надрывается, и я торопливо запахи-ваю шелковый халат с замиранием сердца шагая к выходу. Неужели, он что-то забыл?

Касаюсь дверной ручки и, даже не посмотрев кто пришел, поворачиваю защелку, выглядывая в появившуюся щель.

– Пашка? – толкаю дверь в подъезд и впускаю в квартиру нежданного гостя. – Ты...?

Отступаю, когда Суворов входит в квартиру и прислоняется к стене у входа. В его руке початая бутылка дениэlsa, и в зубах незажжённая сигарета.

– А кого ты ждала? – спрашивает заплетающимся языком, а потом словно опомнившись оглядывает меня с ног до головы, а мне хочется прикрыться, хотя черный шелк совершенно точно прикрывает все мое тело от шеи до середины бедра, но все же под его пронизывающим взором я чувствую себя голой. – Марка?

Морщусь, когда носа касается запах алкоголя и протискиваюсь мимо коллеги по работе чтобы закрыть дверь в подъезд, иначе на завтра все соседки будут в курсе что ко мне за

вечер приходили два мужика.

– Ты зачем пришел? На часы смотрел? – как только замок защелкивается отступаю, вставая напротив гостя. Не знаю, что делать. Предложить ему войти? Выпроводить? Наверно второй вариант был бы лучшим, сейчас первый час ночи, а завтра на работу. Не лучшее время для гостей. – Паш?

Мой собеседник отлипает от стены и будто очнувшись тычет в мою сторону пальцем.

– Решил в гости зайти. А что нельзя?

Он в стельку пьян, это видно по стеклянному взгляду, невнятной речи и слегка косым движениям. Стягивает с ног черные туфли, и делает ко мне шаг, но запинается о стоящую у входа обувь и заваливается на меня, я едва успеваю поймать тушу в девяносто кило и сто восемьдесят роста.

– Слушай, не говори только, что ты за рулем в таком виде ехал...

Ставлю Пашку вертикально, он пошатывается и позволяет поддержать его, подталкивая к стене спиной. Забираю из его рук бухло и, а из зубов сигарету, пока в его дурной голове не мелькнула мысль, что ее надо раскурить.

– А тебе-то что, если так? – с тоской провожает взглядом бутылку, а потом опомнившись тянется к ней и я отступаю, не позволяя схватить алкоголь. – Отдай, это моё...

– Боже мой, ну ты и алкаш! Иди давай в гостиную, я чаю тебе пока крепкого налью.

Указываю Суворову в сторону дивана и тот отрицатель-

но мотаает головой и идет за мной на кухню. Включаю свет и помещение озаряется белым. Киваю в сторону стеклянного стола с молочной столешницей и Пашка падает на стул у стены и откидывается на спинку, а я ставлю на стол бутылку и сигарету рядом кладу, а потом прохожу к чайнику и, проверив сколько в нем воды, включаю кнопочку.

Поворачиваюсь к гостю и скрещиваю руки на груди, глядя на затуманенное задумчивостью лицо. Хотя задумчиво оно лишь наполовину, скорее пьяное.

– Ну давай, рассказывай, – выжидательно смотрю на собеседника и чувствую, как глаза слипаются. Спать хочется безумно, но ведь *с этим* надо что-то делать. – Чего нажрался?

– А что нужен повод? – вальяжно откидывается на стену, кладя одну руку на спинку стула, вторую на столешницу. В его взгляде все тот же туман, только вот мне все равно кажется, что он сканером по мне скользит. И запоминает каждую черточку. Все-таки зря я не надела под халат пижаму. Хотела спать голой, уже улеглась, но звонок в дверь спутал все карты.

– Обычно да, – отвечаю резко и поворачиваюсь к столу, потому что чайник вскипел и можно налить наконец кофе, чтобы не так тянуло спать. – Достаю из шкафа две чашки и со стуком ставлю на столешницу, а потом привстаю на цыпочки, чтобы достать кофе, но не успеваю ухватить банку, мужская рука смыкается на ней. Хочу отступить, он слыш-

ком нагло вторгся в мое личное пространство, но вдруг понимаю, что Пашка оперся на столешницу сбоку и мне не выбраться из его хватки.

Обхватываю его кисть, чтобы отвести от стола, но Суворов не позволяет этого сделать и ставя на стол банку опускает вторую руку мне на талию, подчеркивая свои намеренья.

– Трахалась с ним сегодня? – шепчет в шею, и я каменею. Тело как струна натягивается, хочется сбросить с себя чужие прикосновения, оттолкнуть, ударить за наглость, но я настолько растерялась что не сразу понимаю, что сделать сначала.

– Руки убери и отойди... – цежу сквозь зубы, но Пашка будто не слышит предостережения в моем голосе и еще сильнее стискивает талию уже обеими руками и притягивает меня к своей груди.

– Зачем, Ир... – вопрос звучит не как вопрос, а как сожаление. Он вдыхает аромат моих волос и замирает, не разжимая рук. А я все такая же каменная не могу пошевелиться. – Зачем с ним?

– Паш, убери руки от меня.

Голос срывается, в нем отчетливо проскальзывают металлические нотки, но Суворову плевать. Он пьян.

Разворачивает меня к себе лицом одним рывком и обхватывает шею рукой. Губы обдает запахом алкоголя и сигарет, и я вскидываю испуганный взгляд, натываясь на его затуманенный.

– Красивая ты, сука. Непонятно только, почему не ценишь себя и позволяешь использовать...

– Убери свои руки, – ударяю по запястью, и он выпускает шею из хватки и снова обхватывает талию. – И никто меня не использует, ясно? И вообще если ты сейчас же не уберешься из моего дома я позвоню Марку и расскажу ему...

Эти слова как красная тряпка для быка, но понимаю это слишком поздно. Пашка сминает халат на моей талии и рычит яростно.

– Марку похуй что сейчас происходит на этой кухне, даже если я разложу и трахну тебя на этом столе он слова не скажет, потому что ему на тебя плевать!

Эти слова режут как лезвие, кажется, будто я сделала вдох, и оно полоснуло внутри. Ударяю. Щека Суворова начинает краснеть, а он стискивает зубы, но молчит. Будто ловит кайф от этого ощущения.

– Руки убери и вон из моей квартиры! – указываю на дверь, но Пашка не обращает внимания на мои попытки. Глазеет прямо в разъяренное лицо с очень странным выражением. Боли? Сожаления? Нежности?

– Ты не сможешь его переделать, – обхватывает мое лицо руками и поглаживает скулы, а у меня внутри все переворачивается от ненависти.

– Он вообще-то твой друг! – огрызаюсь сердито, и Суворов вздыхает и качает головой.

– Только это и сдерживает меня сейчас...

Глава 1

Чайник вскипел, кнопка на нем отжалась, и шелест пара прекратился, но я все никак не могу вынырнуть из тупого оцепенения и стою, глядя в стену.

Я больше не приеду...

Он вроде говорил это спокойно без издевки, а звучало будто на меня надели наушники и врубили тяжелый рок на полную.

Не приеду...

Сотню раз запрещала себе придавать значение нашим встречам, но ведь дура наивная верила, что рано или поздно он влюбится.

Все глупые дуры допускают те же ошибки, когда влюбляются в бабников – думают, те исправятся. И я туда же.

Никаких проблем же?

Нет, никаких.

Ответила тогда, натягивая на лицо непроницаемую маску, но кто же знал, что внутри у меня начинается агония. Я уже тогда все поняла, когда он пришел и в миллионный раз отказался от кофе и вина. Просто прошел в спальню и начал раздеваться.

Как будто зачет по физре собрался сдавать – с таким же равнодушным автоматизмом.

Меня затошнило.

Опускаю взгляд на чайник и понимаю, что аппетита нет совсем, да и чаю не хочется. Слишком мало градусов.

Подхожу к холодильнику и достаю бутылку красного, что выбрала на случай, если его ответ все же будет положительным. Иронично.

Разбитое сердце и один бокал вина с кровью. Боже, как хочется нажраться.

Откупорила бутылку и налила себе, но пить так и не стала. Поставила со стуком на стол и подпрыгнула на месте, когда раздался звонок в дверь.

Передумал...

Срываюсь с места, с надеждой щелкаю замком и открываю дверь, но замираю, когда вижу на пороге совсем не того человека, которому следовало бы тут быть. Хотя, о чем я, Марк же ничего не обещал...

– Ты?

– Что, не рада? Становишься предсказуемой... – Суворов протискивается мимо меня и, не дождавшись никакой реакции, защелкивает замок на двери и стягивает с широких плеч полупальто. Прихожая наполняется терпким ароматом цитруса с нотками сандала. Туфли оставляет на коврике у входа и недовольно подметив, что я так и не удосужилась ни ответить, ни вообще как-то прокомментировать его приход, разворачивает меня лицом к кухне и легонько подталкивает, шагая рядом.

– Зачем пришел, позлорадствовать? – отмираю, когда вхо-

дим в тесное помещение. Тут почти темно, лишь подсветка у подвесных шкафов светится, но этого хватает, чтобы различить окружающие предметы.

– Слишком очевидно? – Пашка берет приготовленный мной бокал и отпивает, а потом как опытный сомелье прикрывает глаза и с точностью выдает описание напитка, которое я ранее вычитала в интернете. – Для него покупала?

– Заткнись, – отбрасываю приличия и забираю бокал, будто он пьет что-то не предназначенное для него. Выпиваю залпом, ставлю со стуком, а Суворов доливает, только теперь гораздо больше до самых краев и я снова цепляю тару. – Оставь свои догадки при себе.

– Надо же заполнить чем-то эту тишину... – поворачивается ко мне спиной и достает из шкафа чашки. Хмурюсь, размышляя, откуда он знает где что лежит, и на ум приходит тот его визит несколько месяцев назад, когда он пришел в стельку пьяный. Запомнил? Вероятнее всего, потому что больше Суворов у меня в гостях ни разу не был. – Не будем же мы молчать.

– Тебе что надо, Паш? *Он* тебя подослал? Или у вас мужиков так это работает, один бросил и второй на смену пришел? – слова звучат горько, и я готова проглотить язык за то что произнесла все это вслух, но слишком поздно что-то менять. Широкая спина напрягается, но собеседник не отвечает, продолжая методично наливать себе чай. – Только ты не думай, что все так просто будет, я не трахаюсь без любви,

так что можешь засунуть в жопу свои попытки приударить.

Если бы мои слова слышала мама, она заставила бы меня вымыть рот с мылом и просить прощения у гостя, что было бы справедливо, ведь так по-хамски я никогда в жизни не разговаривала. Но сегодня можно. Сегодня черный день.

– Только не молчи, из-за тебя я чувствую себя последней стервой, – запоздалый укол совести не позволяет замолчать. Пашка же не виноват, что я наивная дура.

– Ты и есть стерва, Журавлева. Самая настоящая.

Цепляет со стола чашку, которую себе налил, разворачивается и садится за стол, на краешке которого я сижу. Поднимает взгляд, намекая чтобы встала с места, но вместо этого я начинаю творить беспредел, иначе не назовешь.

Может, вино ударило в голову, может крыша съехала окончательно.

Забираю у него чашку и оставляю на столешницу, и медленно, глядя прямо в золотисто-карие глаза, седлаю Пашкины колени, наплевав что полы халата расходятся, и он может увидеть то, что ему не предназначено.

Суворов напрягается, его руки опущены вдоль туловища, он не делает попыток облапать, и это еще больше бесит. Опускаю кисти на его плечи и скольжу ими вверх, зарываясь пальцами в темные волосы на затылке. Почти такие же темные как у этой сволочи, что бросила меня сегодня вечером. В горле появляется ком.

– Что ты делаешь?

Он с шумом втягивает в легкие воздух, когда качнула бедрами и потерлась о его член сквозь ширинку. К слову сказать он либо огромный, либо уже стоит. Либо и то и другое.

– Ты разве не для этого здесь? – томно прошептала, наклоняясь к уху. Намеренно медленно потерлась грудью о его каменный торс и коснулась губами мочки уха.

Сильные руки все так же расслабленно свисают по бокам. Не касается.

– Я сам еще не понял, зачем пришел... – отвечает сдавленно, когда скольжу руками вниз, касаюсь вязанной водолазки, прохожусь по широкой груди, спускаюсь к талии и ныряю руками под край кофты, касаясь стальной, буквально звенящей от напряжения кожи. – Но явно не за этим.

Обхватывает мои кисти и, не позволяя коснуться себя больше, заводит мне за спину, и я утыкаюсь в его грудь своей, но голову отвожу, потому что не хочу касаться чужих губ. Губы слишком интимно.

– Ты же возненавидишь меня еще больше если сейчас трахну тебя Журавлева. Я могу, – сглатывает, – и не спору, хочу. Но ты сейчас неадекват, сама не понимаешь, что творишь да?

Вглядывается в мои глаза и тут же читает в них ответ.

Пошел ты.

Улыбается.

– Хочешь трахнуться, давай, только учти мне одного раза будет мало, а ты на большее не способна, потому что тебе ну-

жен не акт, а сама цель стереть со своего тела чужие прикосновения. Только вот их не с тела стирать надо, а из головы, а для этого нужно нечто большее чем ебля на кухонном столе.

– Я ненавижу тебя, сволочь! – дернулась в его хватке, тщетно. Так же тесно прижата, будто впаяна в его тело. – Ты никогда его не заменишь...

– Я и не собираюсь, – выдерживает прямой взгляд, а мне хочется отвести свой, но что-то в глубине янтарных глаз не позволяет прервать контакт.

– Тогда зачем пришел? – переспрашиваю, взгляд вдруг становится тяжелым усталым, как и сердце, которое вдруг начинает весить тонну и глухо бухает в груди.

– Компанию тебе составить, – улыбается так просто и тепло, что в груди щемит. – Могу уйти, только попроси...

Разжимает руки, и у меня больше нет необходимости сидеть на его коленях. Нет нужды его касаться. Суворов в два счета меня прочел и разгадал. Опускаю руки и глаза вниз.

– Я боюсь остаться одна, вдруг начну ему писать...

Надо спасти остатки гордости, но это так сложно, когда внутри кошки уже проскребли проход в Нарнию, и слезы душишат. А эта сволочь кареглазая так сочувственно смотрит в мое лицо.

– Хочешь водки? – вдруг спрашивает, и я фыркаю и начинаю смеяться сама не понимая почему.

– Нет, ты что дурак, меня же унесет с неё! – толкаю широкую грудь и ловлю насмешливый взгляд Суворова. – И у

меня ее, кстати, нет.

– Одевайся, сходим что ли в магаз, – ссаживает меня со своих колен на стол, сжимая бедра чуть дольше чем требуется. – Раз нет водки, придется купить.

– Хочешь, можешь вино допить... – непринужденность во взгляде затухает и сменяется скорбью. – Я не хочу его пить.

– И я не хочу, – обхватывает лицо ладонями и чмокает меня в лоб, что одновременно сбивает с толку и наполняет странным теплом. – Иди штаны натягивай, иначе с голым задом поташу на улицу.

Спорить нет сил и желания, и я срываюсь с места и скрываюсь в спальне, чтобы одеться и выполнить наконец-то мечту этого вечера. Нажраться.

Глава 2

Вхожу в гостиную, где ждет Пашка, и тот на секунду зависает.

– Эм... готова? – окидывает меня чисто по-мужски. Не нарочито заинтересованно, но с ноткой интереса, и я мысленно радуюсь, что выбрала верное шмотье. Черные кожаные скинни, чтобы влезть в них мне понадобилось пару лишних занятий в тренажерке, но зато я уверена, что зад в них зачетный. Серый пушистый свитер с Енотом – дурацкий принт, но такой забавный, что решила оставить. И курточка из черной кожи. – Шапка?

Протягиваю вверх руку с оной и Пашка довольно кивает.

В прихожей он надевает полупальто, и я невольно зависаю, глядя на его мощный силуэт. Суворова природа наградила охренительными данными и при своем росте в сто восемьдесят он весит по прикидкам около девяносто, потому что плечи широченные на контрасте с узкими бедрами – гремучая смесь.

Не удивительно что бабы на него вешаются.

Удивительно только, что он забыл в квартире бывшей девушки своего друга.

– Шапка? – передразниваю его, и он возвращает мне ехидную улыбку и, забрав из моих рук вязаную вещь, надевает мне на голову, а потом дергает отворот натягивая мне на гла-

за.

– Надел.

Толкаю его, и мы вываливаемся из квартиры. Я – неловко поправляя головной убор, он – посмеиваясь и звякая ключами, которые сдернул с моего гвоздика. Закрывает замок и по-хозяйски кладет связку в карман, но я не возражаю. Мне вообще плевать что происходит, я лишь пытаюсь поймать момент и не чувствовать той ноющей тоски что скребет внутри. С Пашкой – получается.

– Куда пойдем? Есть у тебя поблизости алкомаркет? – жмет кнопку лифта и встает рядом, глядя на меня сверху вниз. Я в сапожках на плоском ходу и прилично ниже его. Странно. На работе, когда я оказывалась рядом с Суворовым, он не казался мне таким огромным, но может дело в том, что на работе я на каблуках хожу?

– Через два дома есть, либо можно в ночнике взять, но там вдруг палёная...

Вхожу в лифт и Пашка ступает следом, нажимая кнопку первого этажа. Спускаемся и в районе пятого свет в кабине гаснет, но тут же зажигается, и после легкого толчка все нормализуется.

– Часто такое? – Пашка пробегает взглядом по потолку – в зеленой крышке вырезаны лампочки-звездочки, которые светятся.

– Нет, сегодня впервые на моей памяти, – отвечаю равнодушно, и как только створки расходятся выхожу в подъезд,

слыша за спиной его шаги.

Бежевая плитка вся в разводах, видимо на улице все тает, значит снова придется по грязи пробираться. Выходим на сырой тротуар, и я останавливаюсь, хлопая себя по карманам.

– Черт, телефон забыла дома... – хочу развернуться и пойти обратно, но Пашка хватает меня за руку и смотрит красноречиво.

– Зачем он тебе?

В его зубах сигарета, видимо он достал ее, как только мы вышли, и собрался подкуривать.

– Рассчитаться в магазине... – отвечаю растерянно, вдруг осознав, как быстро он среагировал на мою попытку вернуться, а казался таким расслабленным и незаинтересованным.

– У меня есть деньги, я угощаю, – сжимает мое запястье чуть сильнее и тянет на себя, и я спускаюсь с бетонной плиты, служащей крыльцом и снова оказываюсь ниже его почти на полторы головы. – Курить будешь?

Спрашивает невзначай, и я отрицательно мотаю головой, но потом спохватываюсь и согласно киваю.

– Хотя давай, почему нет?

Он протягивает мне только что раскуренную сигарету, и я, на секунду зависнув, беру ее из его пальцев и подношу ко рту. Суворов достает из пачки новую и подносит к ней зажигалку, но неприятный ветер гасит пламя, а может газ закон-

чился, и после четвертой попытки он чертыхается и швыряет зажигалку в урну у входа.

– Дай от твоей подкурить, – делает ко мне шаг, и я в растерянности смотрю на него, пытаюсь понять, что он хочет сделать. Пашка берет не раскуренную сигарету в зубы и склоняется ко мне, утыкаясь в огонек моей. Пара затяжек и он делает глоток дыма, а из его рта вырывается облачко.

Все произошло так быстро, что я не успела понять, но тихо интимно, что само по себе снова выбивает из колеи. Делаю затяжку, но закашливаюсь и морщусь. Все-таки курение никогда не было моим коньком...

– Ты куда так хапаешь, надо медленно, – улыбается так заразительно, что я невольно поддаюсь непринужденности его тона.

– Покажи...

Смотрю выжидательно, и Суворов подносит зажатую большим, указательным и средним пальцами сигарету ко рту и чуть щурясь смотрит на меня, делая медленную глубокую затяжку. А потом так же медленно запрокидывает голову открывает рот, и я вижу круглое облачко дыма, которое он выдыхает. Опускает голову, смыкает губы и неспешно выпускает серый туман из ноздрей.

– Уловила? – окидывает мое лицо спокойным взглядом, и я киваю и пробую повторить его движение. Набираю полный рот дыма, но горло снова дерет, и я закашливаюсь, а Пашка смеется и качает головой. – Не рот, а легкие наполняй.

Закатываю глаза и делаю последнюю третью попытку. Медленно вдыхаю, а потом, не размыкая губ, выдыхаю через нос. Слизистую обжигает горячим дымом, но я так счастлива, что получилось, и не замечаю этого.

– Умница, только не привыкай, больше курить я тебе не дам, – произносит так ровно, будто на сто процентов уверен в своей правоте, а я подкатываю глаза и выдыхаю ему в лицо струю дыма.

– И как же ты собираешься мне запретить? Я ведь могу сама покупать себе сигареты...

– Лучше платишко, гораздо полезнее покупка чем отравы эта.

– Ты же вроде не курил, – вспоминаю хмурясь. – Давно начал?

– Месяца три назад, – повел плечом небрежно и сделав последнюю затяжку выщелкнул окурок в мусорку.

А в моей голове снова зазвучал тревожный звоночек, что примерно в это время Суворову стало известно о нас с Марком. Но это же бред. Просто так совпало.

В магазине мы выбрали ноль-семяшку Парламента, не знаю по какому принципу Суворов определился, но спорить не стала. Взяла из холодильника две литрушки ледяного апельсинового сока и прошла за ним на кассу. Пашка взял жвачку и пачку презервативов, на что я вскинула брови и снова закатила глаза. Кобель, он и в Африке кобель.

Из закуски мы купили только какой-то копченой колбасы

в нарезке и банку соленых огурцов. Просто трешовый набор алкашей, но раз решили ими быть, надо соответствовать.

Сложили покупки в черный пакет, и Суворов взял ношу в руки. Вышли на крыльцо магазина, и он подцепил зубами язычок на запечатанной пачке сиг.

– Дай я, – забрала у него и сорвала пленку спускаясь с крыльца. Помнила, что он кидал в карман новую зажигалку и залезла туда, шаря в ее поисках.

– Раскуришь? – спросил, отводя руку, чтобы мне было удобнее доставать, и я кивнула и, зажав сигарету зубами, поднесла к ней автогенку. – Сказал же, не привыкай.

Щелкнул меня по носу и забрал отраву у меня изо рта, довольно затягиваясь.

Шагали рядом и я поймала себя на мысли, что мне стало как-то легче. Нет того тянущего ощущения боли и обиды. Все куда-то делось, оставив после себя легкость и пустоту внутри.

– погоди, докурю, – мы уже дошли до моего дома, и Пашка остановился у крыльца, делая последний вдох. Покорно замерла, дожидаясь, когда он закончит и подняла голову вверх, рассматривая смог над городом, из-за которого не видно звезд.

– Интересно, сегодня пасмурно или ясно... – задумчиво произнесла, глядя в ночное небо и Суворов вскинул взгляд вверх, выдыхая дым.

– Дождь обещали, – бросил окурок в урну и поднялся на

бетонную плиту-крыльцо. – Но мне кажется его не будет.

Опустила голову, входя в подъезд и тоска снова накатила. Видимо лимит адреналина, который бил, пока был отходняк, иссяк, и я снова впала в депрессию.

Вошла в лифт, и Суворов втиснулся следом, нажимая кнопку моего этажа.

Створки сомкнулись, кабина начала движение, но уже через секунду все оборвалось, свет погас и лифт встал между этажами.

– Твою ж мать, этого не хватало для полного счастья... – из темноты послышался голос Суворова, и я хихикнула, протискиваясь мимо него к панели с кнопками.

– Дай нажму, – услышала шелест, видимо Пашка повесил пакет на поручень и облокотился о стену, отступая чуть в сторону. Лифт у нас не такой и маленький, но не грузовой, что говорит само за себя. Нажала на звоночек на панели, и мы оба перестали дышать, прислушиваясь к помехам. Снова нажала. – Алло...?

Тишина подтвердила худшие опасения, связь с лифтером либо пропала, либо он решил нас проигнорить, что в любом случае не в нашу пользу.

– Заебись... – похоронно подытожил Пашка мои мысли и вздохнул.

Стянула шапку и расстегнула куртку, понимая, что нам придется тут проторчать какое-то время. Пашка достал телефон и включив фонарик уложил мобилу на поручень. Каби-

на озарилась мягким светом, и мы переглянулись почему-то улыбаясь.

– Ну что, закусывать будешь или запивать?

Глава 3

Свет загорелся только через час, после того как мы проторчали в лифте, видимо механики все же соизволили наладить работу. К тому времени как кабина пришла в движение, половина бутылки была уже выпита, и мы уверенно трудились над второй.

– Неужели о нас вспомнили? – глотнула водки и потянулась к соку, но тот кончился, и я поморщилась, но Пашка спас, черпнул из банки корнишон и толкнул мне в рот, гася обжигающее пламя. – Не прошло и полгода!

– О, это повод для тоста! – Суворов забрал у меня бутылку, но лифт звякнул и привез нас на нужный этаж.

Я еще никогда так быстро не выскакивала из кабины. Казалось, помедли я хоть чуть-чуть, и он снова затормозит, и наступит полная жопа.

Пашка выскочил следом, неся водку, пакет и банку с огурцами. Подошли к двери моей квартиры и оба встали как истуканы, ожидая, что нам кто-нибудь ее откроет. А потом не сговариваясь заржали, и я потянулась в его карман, в поисках ключей от моей квартиры.

– Я во внутренний переложил, – отступил, потому что я слишком настойчиво шарила в его кармане и чуть его подтолкнула. Ударился спиной о стену и развел руки, позволяя мне облапать его карманы. – В джинсы, то есть.

– Ну ты... Суворов...

Шлепнула по карману джинсов, потом по второму и Пашка согнулся, хватая ртом воздух.

– Ты полегче, мне еще детей заделывать будущей жене, – осторожно выпрямился, с укоризной глядя на меня сверху вниз.

– Ой, прости, передай своей будущей супруге извинения от меня, – съехидничала, подцепила ключи и повернулась к двери, чтобы открыть. Замок поддался, и я отступила, пропуская Суворова вперед.

– Как только встречу ее, обязательно передам, – стянул с ног туфли и прошел вслед за мной на кухню, шелестя пакетом. – Слушай, есть че пожрать? Я голодный как волк.

Поставил покупки на стол, я забрала у него пакет и начала доставать оттуда остатки былой роскоши. Колбасу мы подели в первые пять минут своего заточения.

– Сейчас подожди, дай раздеться... – стянула с плеч куртку, толкая шапку в рукав. Пашка снял пальто и свешал на меня как на лакея, точнее просто сбросил на голову, безумно довольный собой.

– В квартире курить можно? – слыша мой протестующий писк, Суворов улыбнулся и зашелестел пакетом, а я прошла в прихожую и повесила нашу одежду на вешалку. – А на балконе?

– Только если плотно дверь закроешь, – стянула свитер через голову, облегченно выдыхая. Эта шерстяная штукови-

на меня dokonала, колючая, как будто я верблюда на себя натянула, перед этим вывернув.

Бросила свитер на спинку стула, и подошла к холодильнику, но Суворов так и не ответил на мою фразу, и я недоумевающе повернулась.

– Ты э... в лифчике собираешься ходить? У тебя гости вообще-то.

– Ты что ли? – равнодушно уставилась на полки, соображая, что сварганить по-быстрому, но Пашка все еще молчал, и я вздохнула, сдаваясь. – Ну Паш это называется бралетт. Типа майка кружевная понимаешь? Не лифчик. Ну если тебе прям принципиально, я переодену...

Достала с полки банку пресервы и остатки карбоната и повернулась, толкая Суворову в руки находку.

– Организуй фуршет пожалуйста, а я пока переоденусь.

И, не дав ему одуматься, сбежала из кухни.

В спальне стянула с себя джинсы, оставаясь в одном белье. Комната все еще хранила запах Марка, как мне казалось, и я снова ощутила этот дурацкий прилив сожаления. Это не сон, реальность. Он ушел и больше не придет. А в кухне меня ждет Пашка. Не знаю почему он предпочел не уходить, а остаться и нянчиться со мной, но я была ему благодарна. Хоть как-то отвлекает от этой тоски.

Достала из шкафа растянутую футболку и стянув бра, надела ее, мысленно радуясь, что она длинная и закрытая. Теперь-то этот зануда ничего не скажет. Сексуальной эту вещь

точно не назовешь. А то, что соски выделяются, так это только потому, что я их задела, когда одевалась. Сейчас все в норму придет.

Стянула с дверной ручки резинку для волос и тряхнула головой, забирая каштановые пряди наверх. Пашка хозяйничал в кухне, нарезаю мясо, и я бесшумно вошла и встала рядом, наблюдая за игрой мышц под тканью вязаной водолазки.

– Помочь тебе? – услышав мой вопрос он вздрогнул, а потом выматерился, и я невольно улыбнулась.

– А я все думаю, за какие заслуги тебя в органы взяли, а ты как ниндзя ходишь, бесшумно и тихо.

– У меня вообще-то глаза красивые, – обиженно надуваю губки и достаю из шкафа две стопки. – И вообще я трезветь начала, наливай еще.

– Про глаза согласен, а про трезветь не уверен, вон тебя как шатает, – выставил руку, ловя меня, а я и правда, не подрассчитав, привстала на цыпочки и тут же ощутила, как меня заносит. Пашка поймал меня и прижал к себе, помогая устаканиться и встать ровнее. На долю секунды наши взгляды скрестились, и меня будто током прошибло, поэтому торопливо отступила, и он словно ощутив то же самое, опустил руку и отвернулся к столу. – Иди фильмец загрузи какой-нибудь. Только не бабский.

Суворов вновь занялся нарезкой, а я вышла из кухни и протопала к телевизору, размышляя какой фильм включить.

Через десять минут на полу в гостиной расстелилась поляна: закуски, водка со стопками – все это поверх пледа. Свет вырубил и включил боевик с крепким орешком.

Ну улице стало чуть светлее, видимо утро ворует у ночи минутки темноты. Интересно, который час.

– Ну и фильм ты выбрала...

– Нет, а что? Брюс Уиллис вон какой душка, а ты посмотри на его бицуху... – послала воздушный поцелуй экранному идолу, и Пашка тут же обиженно насупился.

– Ты просто мою не видела, – стянул с плеч свитер, оставаясь в одних джинсах, и поиграл мускулами на руках, отчего в моем горле мгновенно пересохло. Он, конечно, прикалывался, но черт, эти его мощные руки и грудь... Сука...

– Паш, трахни меня...?

– На каком моменте тебя так коротнуло? Когда Уиллис из автомата стрелял?

Пашка попытался отшутиться, но я уже закусил удила и теперь не собиралась отступать.

– Пожалуйста, я серьезно, – хватаю его за предплечье и заглядываю в янтарные глаза, а Суворов только напрягается и весь шуточный тон мгновенно испаряется.

– Ир, давай не надо.

– Ну ты же купил презервативы? – забираю из его рук стопку и ставлю в сторону на наш импровизированный стол, а потом медленно седлаю мощные бедра, напряженно глядя в затуманенные алкоголем глаза.

– Я не для тебя их купил. Мало ли кто под руку подвернется. Но точно не для тебя...

– Ну Паш, – закусываю губу, не пытаюсь пока распускать руки. И пускай Пашка по пояс голый, он все равно держится неприступно. И это немного напрягает. – Ты разве не хочешь?

Эта мысль тут же неприятно вспарывает мозг, и я вся сжимаюсь и пытаюсь встать с его колен, но Пашка ловит мои бедра, не позволяя этого. Давит на них, и я вскидываю взгляд и утопаю в янтарном омуте.

– Ты хотя бы сама понимаешь, о чем просишь?

Нет, и хорошо. Потому что одумайся я, мне уже было бы стыдно за свои слова. Но в этот момент под алкоголем и чувством дикой обиды одна лишь мысль звучит на повторе.

Неужели *и он меня не хочет*? Я настолько ужасна?

– Какая разница, Паш. Мне просто нужно, – замолкаю, потому что горло перехватывает, и я сжимаюсь, будто от удара. Мысли неприятно жгут внутри, и хочется сжаться, и я вздыхаю и устало опускаю взгляд. – Нужно убедиться, что я нормальная и что ты...

Хочешь меня...

Фразу не договариваю, молчу, но этого и не требуется. Суворов пристально смотрит в мои глаза, и я ерзаю на его коленях. Что он ищет в них? Сомнения? Страх? Растерянность?

– Ты просишь меня переспать с тобой, я правильно понял? – его руки опускаются на мои запястья и сжимают так

что я не могу пошевелить ими. – Трахнуться хочешь?

– Я, по-моему, по-русски разговариваю... – огрызаюсь и вздрагиваю, когда Суворов дергает меня на себя и вжимает в свой голый торс грудью.

– А если я выполню твою просьбу, что получу взамен?

– Взамен? – переспрашиваю удивленно. Обычно тело и есть то, что все хотят взамен. А как быть в этой ситуации?

– Да, малышка. Мне мало одного раза с тобой. Я хочу большего...

– Ты еще не пробовал, – уничижительно качаю головой, – вдруг после соберешься и уедешь как...

Марк...

Ненавижу свой мозг!

– Ира, – ловит мой взгляд, и в неярком свете телевизора его глаза выглядят слишком серьезными. Будто он математику прорешивает в уме. – Ответь на последний вопрос...

Хватка на запястьях растворяется, и я опускаю руки на теплую грудь и ловлю ускоренный пульс ладонками. Мой так же в раздрае.

– Что ты хочешь знать? – привстаю, чтобы удобнее устроиться на его бедрах, чувствуя, как бугор между его ног начинает наливаться свинцовой твердостью. Колючая щетина проступает на щеках Суворова, и я касаюсь ее руками и поглаживаю четкую линию подбородка, глядя в янтарные глаза, наполненные тягучей истомой.

– Ты любишь нежно или грубо?

– Насколько грубым ты можешь быть? – вопрос невольно срывается с губ и в глазах напротив зажигается огонек азарта.

– Тормозни меня, если заиграюсь... – цепляет край моей футболки и запускает под него руки, но вместо ожидаемого стягивания ее с меня, он касается резинки моих трусиков и замирает, глядя мне в глаза.

Атмосфера вокруг тяжелеет, моя грудь наливается свинцом, и я беспомощно облизываю губы не в силах разгадать что задумал Пашка.

– Любишь кружево? – его пальцы касаются кожи под резинкой, проходятся по узору бразильских трусиков и в следующую секунду треск взрывает тишину, и я охаю, но тут же закусываю губу, чтобы не выдать как на меня подействовала его эта выходка. Он решил броситься в омут с головой и взял для этого разбег. Тварь сексуальная. – Я тоже...

– Три косаря Паш... – привстала, чтобы он мог выдернуть из под меня лохмотья от инканто, а эта наглая сволочь довольно оскалилась.

– Я куплю тебе другие.

– Комплект, – крепче вцепилась в широкие плечи, когда Суворов приподнялся со мной на руках и зашагал в спальню. Я напряглась, он это заметил, но упорно продолжил идти и как только оказался у кровати швырнул меня на нее будто в берлогу свою принес. – Может не здесь...?

– Рот закрой, – он возвышался надо мной греческим идо-

лом. В темноте рассветного утра его кожа казалась нереальной. Он весь был нереальным. Мощные плечи, твердая грудь, могучие руки, рельефный торс с поясом Адониса, который хотелось сожрать на завтрак. А потом спуститься ниже... – Погладь себя, чтобы я видел.

Чёрт...этот резкий переход от Пашки друга к Пашке «я отымею тебя и даже не запыхаюсь» вносил такой хаос в мою голову, что легкая дрожь предвкушения перешла в охренительный тремор во всем теле. Губы, пальцы, даже колени тряслись, но блеск в глазах цвета янтаря заставил покорно подчиниться. Дикое возбуждение пришлось по телу, ударило в соски, и те затвердели, сдавая меня с головой.

Пашка дернул уголком губ, когда заметил очертания шипов под футболкой. А потом поднял на меня свой взгляд и повел бровью.

Начинай.

Но как можно гладить себя при нем, ведь он тогда увидит...?

Суворов опустил руки на ремень темных джинсов и красноречиво на меня посмотрел. Моя рука заскользила вниз к сомкнутым бедрам и застыла на животе, когда Пашка звякнул пряжкой ремня будто подводя черту. Подчеркивая, что игры закончились, и он больше не собирается тратить время на болтовню.

– Провоцируешь? – равнодушно отрезал и одним рывком выдернул ремень из петель. Мои глаза распахнулись, и я раз-

вела бедра, опуская руку к низу живота. Футболка мешала, и я поддела ее второй рукой, открывая то, что до этого было скрыто от всех мужиков планеты Земля, кроме двух. Теперь вот третий... Но что поделать, я сама напросилась.

Палец коснулся кожи там, и я шумно выдохнула, наблюдая как Суворов толкает свободный конец ремня в пряжку. Его уверенные движения выглядели так сексуально, что я ненадолго залипла, наблюдая за ловкими пальцами. Красивыми кстати. Длинным с аккуратными ногтями. Интересно, у него все такое же...длинное?

Эта мысль завела еще сильнее, нутро будто наполнили сладкой ватой, и я непроизвольно выгнулась, поддаваясь возбуждению, а потом вздрогнула, когда Суворов выстрелил рукой и сгрэб меня за грудки, сминая футболку. Села на постели, вцепилась руками в одеяло и смяла. Настолько крыло от его непредсказуемости и дерзости.

– Ты помнишь, что можешь в любой момент меня остановить? – его рука опустилась на мою щеку, и Пашка нарочито нежно погладил скулу, а потом опустился к губам и провел по ним большим пальцем. Кивнула, поднимая на него взгляд и прикусила подушечку, проходясь по ней языком. Он стиснул зубы на секунду, а потом резко сжал мою челюсть, тем самым запрокидывая голову выше и негромко, как рычащий хищник, растянул. – Забудь об этом...

Глава 4

Дернул футболку пластая ту на груди, и я вскрикнула, прохладный воздух лизнул грудь. Резинка с волос полетела на пол, Пашка закинул мне на шею ремень и стянул так, что петля затянута до грани боли. Идеально выверенной грани боли, когда еще чуть-чуть и уже перебор. Суворов обхватил мой подбородок будто искусственное дыхание собрался делать и склонившись лизнул мои губы, грубо их прикусывая.

– Боишься? – зарычал мне в рот, а я сглотнула и ощутила, как вторая его рука сжала ремень у самой шеи как поводок, чтобы подчеркнуть его власть надо мной. – Уже хочешь меня тормознуть?

Он, как и я, тяжело дышал, широкая грудь покрылась каплями пота, а мы даже не начали основной акт. Пашка читал по моим глазам ответ, а я захлебывалась. Захлебывалась его дыханием. Этой жадой, что сжирает нутро. Нетерпением. И до жжения под кожей хотелось попробовать его на вкус, чтобы вернуть себе хотя бы призрачную иллюзию власти.

– Хочу взять его в рот... – протянула томно, и Пашка рвано вдохнул. Янтарные глаза наполнились тяжестью плавленного золота, и ресницы приопустились.

– Тогда заслужи.

Мысль взорвалась в мозгу так резко, что стало немного пьяно, и я положила руку поверх Пашкиных костяшек, и он

чуть ослабил хватку на ремне, позволяя мне откинуться на широкую кровать.

Футболка на моей груди разошлась, а ее низ собрался на животе, и я, отбросив скромность, прошла по коже пальцем, одновременно раздвигая ноги, чтобы Суворов мог видеть все что я делаю. Уперлась пятками в матрас и приподняла бедра навстречу своей ласке. Мой взгляд как приклеенный впился в глаза цвета золота, и даже под дулом пистолета я не смогла бы отвести взор. Провела по розовым складкам. Пальцы мгновенно стали влажными. Они невесомо скользили, по моей плоти, вырисовывали круги около чувствительной точки и слегка давили, когда подбиралась к низу, проникая на самый миллиметр внутрь. А потом чуть глубже. На фалангу...

– Убери руки, – Суворов намотал ремень на кулак и дернул меня на себя, заставляя сесть прямо. Шею чуть сильнее стянуло, и я поморщилась, он это заметил. Мгновенно ослабил тягу и прошелся пальцем между ремнем и шеей, проверяя, не душит ли. Но все это произошло так быстро, что я решила – почудилось. Я снова потянулась к изнывающей плоти, но он дернул ремнем, заставляя меня замереть и медленно утробно зарычал. – Я сам вылижу каждый миллиметр, когда придет время, не смей до этого кончать...

Пульс ударил в мозг, а сердце выстрелило в горло, и я сглотнула, глядя в затуманенные глаза.

Потянулась к ширинке Суворовских джинсов. Он меня не

остановил, и я решила, что получила одобрение. Вытащила пуговицу из петли. Бугор налился так, что было трудно сладить с молнией, пальцы дрожали и были все еще скользкими, но я упрямо подцепила язычок и потянула вниз. Черные боксеры натягивались так туго, что казалось треснут. Стояк уже увеличился до гигантских масштабов и, как только я оттянула ткань, вырвался наружу будто на пружине. Мои глаза распахнулись так широко, что Пашка ухмыльнулся. Не видела, слышала его улыбку. Сглотнула.

Обхватила набухший член рукой, пальцы не сомкнулись, настолько он был огромным. Венки рельефно тянулись от бархатной головки к основанию, и я медленно вобрала в рот стояк, и головка тут же уперлась в горло. Пашка с шумом выдохнул сквозь стиснутые зубы, и мой рот наполнился солоноватым привкусом, видимо от капельки смазки, проступившей на члене. Отвела голову и снова насадилась на него ртом, беря так глубоко, насколько позволяла гортань. Обхватила его пальцами у самых губ и вынула изо рта, отмечая, насколько глубоко он вошел. Оказывается, не вставила и половины...

Плюнула на член, размазывая влагу по всей длине, и провела рукой от головки к основанию, выдрачивая очередной рваный выдох. Подняла стояк вверх, и склонилась к паху, облизывая уже подобравшиеся яички. Провела по ним языком, обрисовала восьмерку, а потом не прерывая контакта языка и его бархатистой кожи прошла от яичек к головке и

снова втянула ее в рот, насаживаясь на член до самого горла.

Ремень на шее дернулся, и я подняла глаза на Пашку, все еще держа член глубоко внутри.

– Я сейчас кончу... – его слова звучали как полу-рык полу-стон человека которому безумно больно, и я ощутила наконец этот триумф власти над этим зверем, который хотел подчинить, но подчинился сам. Я его подчинила...

Повела бровью, чтобы дать понять, что он отвлек меня по пустяку и снова отстранилась, а потом заглотила его глубоко, одновременно поглаживая языком низ члена, и на затылок легла мужская рука.

Суворов зарылся в волосы, слегка оттянул, заставляя отстраниться, а потом выпустил ремень из хватки и положил вторую руку мне на макушку, снова насаживая на член глоткой.

Еще один толчок внутрь, и пальцы на коже сжались, натягивая волосы. Суворов зарычал и, стиснув зубы, разрядился мне в рот, наполняя его густой вязкой спермой. Одна струя, вторая, и мне казалось, он переполнит меня, настолько много ее было. Подняла взгляд на кончающего парня, и меня снова прошибло молнией. Отвела голову назад, выпуская сперму изо рта, а потом медленно провела головкой по потекам, размазывая полосы.

– Прости, я не глотаю... – провела членом по губам, и Пашка повел широкими плечами подчеркивая конец оргазма.

Он выглядел сейчас как сытый лев, как довольный хищник. Полуулыбка на его лице была такой заразной, что я на секунду забыла об изнашивающей плоти, которая пульсировала от неудовлетворенности.

Суворов разжал руки на моем затылке и ослабил ремень, снимая его с шеи, а потом стянул с меня футболку и бережно вытер с лица сперму, проходясь по подбородку и шее тканью. Потом потянул меня, чтобы встала, и, обхватив лицо ладонями, смял мои губы в глубоком терпком поцелуе-трахе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.